

М. Куделя

Иркутский НЭП: начало конца

Дело иркутского ОМХа
(1926–1927)

Максим Куделя

**Иркутский НЭП: начало
конца. Дело иркутского
ОМХа (1926—1927)**

«Издательские решения»

Куделя М. В.

Иркутский НЭП: начало конца. Дело иркутского ОМХа (1926—1927) / М. В. Куделя — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833702-4

В 1926 году в Иркутске прошёл громкий судебный процесс, завершившийся расстрельными приговорами. Руководящие и рядовые работники, связанные в основном с городским отделом местного хозяйства (ОМХ), обвинялись в хищениях, растратах, коррупции и дискредитации советской власти. «Дело Лосевича» (по фамилии главного фигуранта) гремело на всю Сибирь, а газетные материалы о нем удивительным образом перекликаются с сюжетами произведений Ильфа, Петрова, Булгакова и Зощенко.

ISBN 978-5-44-833702-4

© Куделя М. В.
© Издательские решения

Содержание

Читайте советские газеты	24
Приложение 1. Карта-схема основных мест действия	30
Приложение 2. Дело Иркутского ОМХа: газетные материалы 1926—1927 гг.	32
Власть труда, 1925, 24 дек. (№295), С. 8	32
Власть труда, 1926, 26 июня (№141), С. 8	33
Власть труда, 1926, 27 июня (№142), С. 8	34
Власть труда, 1926, 31 июля (№171), С. 8	35
Власть труда, 1926, 21 авг. (№188), С. 6	36
Власть труда, 1926, 26 сент. (№219), С. 8	37
Власть труда, 1926, 28 сент. (№220), С. 8	38
Власть труда, 1926, 29 сент. (№221), С. 8	39
Власть труда, 1926, 30 сент. (№222), С. 8	40
Власть труда, 1926, 1 окт. (№223), С. 4, 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Иркутский НЭП: начало конца Дело иркутского ОМХа (1926—1927) Максим Викторович Куделя

«По ночам он носился с зажженными фарами мимо окрестных рощ, слыша позади себя пьяную возню и вопли пассажиров, а днем, одурев от бессоницы, сидел у следователей и давал свидетельские показания. Арбатовцы прожигали свои жизни почему-то на деньги, принадлежавшие государству, обществу и кооперации»

Ильф, Петров. «Золотой теленок», Гл. III

© Максим Викторович Куделя, 2016

ISBN 978-5-4483-3702-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В 1926 году город жил разными событиями: после переездов открылись центральная губернская и университетская библиотеки, отмечались 75-летний юбилей Восточно-Сибирского отдела (бывшего Императорского) Русского географического общества, юбилей трудовой деятельности докторов и профессоров, открылись две автобусные линии, водопровод в Свердловском предместье, розничная торговля с 1 апреля перешла на метрическую систему, прошла премьера фильма «Броненосец Потемкин», в город и через него следовали иностранные делегации и научные экспедиции. Лето *«прошло в сплошном ремонте. На главной улице заново побелились здания. Подремонтировались школы. Университетский „белый дом“ залечил свои раны гражданской войны... На всем протяжении ул. Карла Маркса, по левой ее стороне, стрелой вытянулись совершенно новенькие асфальтовые тротуары. Весело выглядят и кинотеатры губОНО – „Гигант“ и „Художественный“.* Они тоже принарядились, и окрасились. Кино-театр губпрофсовета „Новый“ – не узнать: за летний перерыв его длинный, уютный зал разукрасился рисунками в древне-египетском стиле»¹.

Фон повседневности также составляли постоянные производственные, профсоюзные и партийные собрания, совещания и съезды, на которых разъяснялись решения XIV съезда ВКП (б) («Съезда индустриализации»), осуждались происки троцкистско-зиновьевского блока, выражалась безоговорочная поддержка борьбе с хулиганством, бюрократизмом и нарушениями бюджетной дисциплины. А еще в 1926 году с первого снижения государственных цен и налоговой реформы начал заканчиваться НЭП.

Для Иркутска 1926 год ознаменовался окончательной потерей его особого «столичного» статуса. Иркутская губерния, вошедшая в состав образованного 25 мая 1925 года Сибирского края в отличие от других территорий «с сохранением существующего ныне административного деления», наконец-то должна была прекратить свое существование. В этой связи в город зачастили разного ранга представители Сибкрайкома², поскольку процесс перекройки, конечно вызывал массу вопросов и проблем и занял почти полгода – с момента принятия ВЦИКом принципиального решения о районировании в апреле до проведения окружных съездов советов и выборов их органов управления в конце сентября. Видимо, именно в целях эффективного проведения административной реформы и были произведены кадровые перестановки в руководстве губернии.

¹ Ос-ин С. Обновленный Иркутск // Советская Сибирь, 1926, №213 (16 сент.)

² Дважды – 18—22 мая и 22—25 сентября – побывал в городе даже председатель Сибкрайкома Р. И. Эйхе

Еще 28 февраля председатель Иркутского губисполкома П. И. Шиханов, личность явно не среднего масштаба³ (его именем в Иркутске даже был назван стадион) был отозван в Новосибирск на должность заместителя председателя Сибкрайкома. Временно исполняющим обязанности предГИКа, как тогда сокращали название должности, был назначен Евгений Владиславович Лосевич – партиец с достаточно большим (с 1904) дореволюционным стажем, участник декабрьских боев 1917-го, комиссар по польским делам ЦИК Советов Сибири в 1918 и заведующий Томским губернским финансовым отделом в 1920—22.

Постоянно находясь с 1922 года в Иркутске, он фактически был вторым, но не публичным, лицом советской власти в губернии и городе. Заведующий (до 1925) губернским отделом коммунального (местного) хозяйства, в тот период бывшим и городским; исполняющий обязанности председателя губисполкома на время его отсутствия; председатель иркутского горсовета V созыва в 1925 году (до 20.02.1926) – все эти должности рисуют нам образ хозяйственника.

Важной задачей стоявшей перед руководством губернии весной-летом 1926 года была административная реформа. И, возможно, действительно, визит председателя Сибкрайкома Эйхе и руководителя СибРКИ Банковича в конце мая дал им основания усомниться в пригодности или готовности руководства Иркутской губернии к ее выполнению. Новосибирский «десант» появился в городе уже в следующем месяце⁴.

25 июня 1926 года ВЦИК РСФСР издает декрет «О разделении Иркутской губернии на округа и районы», а уже на следующий день, 26 июня, на IV пленуме губкома ВКП (б) было сообщено об отзыве Лосевича на должность зам. управляющего Сибирской конторы Госбанка и об утверждении в должности председателя губисполкома Александра Георгиевича Ремейко (Тихомирова) – бывшего председателем Новосибирского окружкома. Примерно в то же время (август) ответственный секретарь Иркутского губкома ВКП (б) А. В. Гриневиц, был заменен на Николая Николаевича Зимина – также присланного из Новосибирска⁵.

Процесс административной реформы включал в себя и раздел губернского имущества. Были сформированы краевая, губернская и окружные комиссии по районированию, которые *«к первому августу... должны окончательно разработать планы ликвидации существующих и формирования новых учреждений. К 15-му августу должны уже быть ликвидированы: Иркутский, Зиминский и Верхоленинский уики, а к 1 сентября все остальные уики губернии...»*⁶. А ликвидация учреждений, естественно, подразумевала ревизии.

29 июля на «Острове любви» (сейчас Комсомольский), после запроса о подаче отчетности, застрелился заведующий подотделом бездействующих предприятий Отдела местного хозяйства губисполкома Георгий Спиридонович Креминский⁷. В течение августа месяца дело с проверками двигалось вяло, но когда в начале сентября ревизия телефонного треста выявила в нем крупную растрату и 16 сентября⁸ был арестован вызванный из командировки в Даурию его заведующий – Н. А. Кузиков, сразу начавший давать показания – процесс пошел быстро.

Дополнительный стимул ему несомненно придал приезд 22—26 сентября на I Окружную партконференцию председателя Сибкрайисполкома Эйхе с председателем СибкрайРКИ и зам-

³ По данным издания «Политические лидеры Вятского края. Век XX. Биографический справочник», Киров, 2006, он занимал эту должность дважды: с апреля 1921 по октябрь 1923 и с ноября 1925 по февраль 1926

⁴ Вероятно, после 10 июня. Утром 9 июня Ремейко еще выступал на пленуме Сибкрайкома, но постановление Новосибирского окружкома №37 от 9 июня уже подписывал зампред окрисполкома Токарев, а 18 июня уже временно исполняющий дела председателя окрисполкома Зайцев.

⁵ В путеводителе «Государственный архив новейшей истории Иркутской области» (2008) на С. 513 указано: «Гриневиц Андрей Владимирович [...] С сентября 1923 г. по сентябрь 1926 г. – секретарь Иркутского губкома РКП (б).»

⁶ Власть труда, 1926, №159

⁷ Власть труда, 1926, №171, 188

⁸ Власть труда, 1927, №4

предом СибКК ВКП (б) Банковичем. 24 сентября были арестованы заведующий ОМХ Киселев, председатель Лестреста Фельдгун и бухгалтер ОМХ Богданов⁹, а к 28 сентября доставлен под усиленным конвоем из Новосибирска Лосевич. 27 сентября для наблюдения за ведением дела прибыл заместитель краевого прокурора А. М. Пачколин, а чуть позже два следователя по особо важным делам – Сивоха и Чистяков. «Дело Лосевича и др.» явственно приобрело краевой масштаб. К 6 октября были арестованы практически все участники будущего процесса (причем некоторых фигурантов этапировали из Москвы и Самары), и уже к 11 ноября было готово обвинительное заключение¹⁰. С 22 по 30 октября в работе следствия даже принимал участие специально приехавший краевой прокурор Алимов.

⁹ Власть труда, 1926, №219

¹⁰ Власть труда, 1926, №258

**Здание, в котором в 1926 г.
располагался иркутской губернский
комитет ВКП(б). Сейчас – ул. К.
Маркса, 28**

Резонанс дела в городе был оглушительный, хотя во многом он, конечно же, был создан самими властями и прессой.

Параллельно следствию на совещаниях городского партактива, заседаниях окружной контрольной комиссии и кустовых собраниях производственных партячеек с участием беспартийного актива с подачи руководства округа обсуждается «дело Лосевича», как пример чест-

ности и открытости партии, готовой «вскрыть гнойник на теле рабоче-крестьянской страны» и не боящейся идти в этой операции до конца. Организуются даже выездные (в Большой Разводной¹¹) собрания с разъяснениями позиции окружкома ВКП (б).

Разъяснительная работа, направленная на искоренение «*бюрократических навков, которые заедают наш аппарат*»¹², проводилась настолько массированно, что 6 октября на совещании городского партактива секретарь окружкома ВКП (б) Зимин, выступая с докладом, констатировал, что на протяжении двух недель парторганизация находится в параличе и обсуждает только эту тему¹³. Более того, уже после окончания процесса – в марте 1927 года на 2-й окружной партконференции отмечалось, что «*директивы, данные контрольной комиссией первой окружной конференцией, выполнены слабо. Аппарат комиссии долгое время был занят делом Лосевича. Поэтому целый ряд заданий и работ оказались выполненными наполовину или совсем невыполненными*»¹⁴. И это было прямым следствием дальнейшего развития событий, вовсе не способствовавшего успокоению: 7 октября в краевом органе печати – газете «Советская Сибирь» – и «Власти труда» публикуется постановление бюро Сибирского крайкома ВКП (б) от 3 октября 1926 г. «О работе иркутской организации в связи с делом Лосевича и других», в котором «*Сибкрайком предлагает не ограничиться достигнутым раскрытием преступников, которых ждет жесточайшая кара, но и добиться выявления характера и обстановки буржуазно-нэмпановского окружения, разлагавшего хозяйственный аппарат и принять необходимые меры к решительному оздоровлению загнивших частей советского аппарата*»¹⁵, а уже 7 октября становится известно о создании комиссии по чистке ОМХа и подведомственных ему учреждений¹⁶. Начинается сбор автобиографий, публикуется обращение к населению города предоставлять в комиссию по чистке заявления о нарушениях в работе советских учреждений¹⁷.

В том же русле нужно рассматривать выступление председателя горсовета А. И. Бесеневица на расширенном пленуме горсовета 12 (или 13) октября с просьбой освободить его от должности: «*Свою просьбу т. Бесеневич мотивировал так: преступления Лосевича, Киселева и других были совершены в учреждениях, находящихся под непосредственным контролем горсовета. Считая себя морально ответственным за эти преступления, тов. Бесеневич не находит возможным, до окончания следствия, оставаться на ответственной работе*»¹⁸. Председателем горсовета избирают Ремейко, который теперь совмещает эту должность с должностью председателя окружного исполкома. Для Бесеневица, правда, это было только началом – заседание партколлегии Иркутской Окружной Контрольной Комиссии ВКП (б) от 9 ноября исключило его из партии вместе с еще пятью ответственными работниками (секретарем партячейки ОМХ, зав. столярной мастерской ОМХ, зав. подотделом управления недвижимым имуществом ОМХа и председателем профсоюза связистов)¹⁹. Правда, большую роль тут, наверное, сыграло то, что Бесеневич был заместителем Лосевича на посту председателя горсовета в 1925 году.

¹¹ Власть труда, 1926, №235

¹² Власть труда, 1926, №236

¹³ Власть труда, 1926, №229

¹⁴ Власть труда, 1927, №59; Советская Сибирь, 1927, №59.

¹⁵ Власть труда, 1926, №228; Советская Сибирь, 1926, №231.

¹⁶ Власть труда, 1926, №230

¹⁷ Власть труда, 1926, №235

¹⁸ Власть труда, 1926, №234

¹⁹ Власть труда, 1926, №260

Примерно в это же время, и возможно по тем же соображениям, был освобожден от должности начальник губернского административного отдела и губернской милиции М. П. Мельников – также весьма заметный член команды иркутских управленцев в 1923—1926 гг.²⁰

Сама чистка началась 18 октября и в течение двух недель «проверила состав сотрудников горкомхоза, ОМХ'а, Стройтреста, телеф. станции и конторы Сиблестреста (с конторами Ангарского и Иркутского заводов и иркутский лесозаготовительный участок). В общей сложности через комиссию прошло 292 сотрудника. Из них постановлено уволить 76 человек, что составляет 26 проц. Если же к ним прибавить арестованных, которых комиссия постановила считать также уволенными, то процент уволенных по постановлению комиссии выразится в 30,8 проц.»²¹ Основную массу уволенных составляли так называемые «бывшие» люди. Подводя итог кампании, председатель комиссии Ремейко, перечислив наиболее одиозные фигуры (управделами – царский генерал, служивший у Колчака; завхоз – полковник; консультант – помощник прокурора при царе и Колчаке; зав. подотделом – чиновник особых поручений при губернаторе, редактор «Губернских Ведомостей»; инженер – прапорщик, служил при Колчаке; секретарь подотдела – генеральская дочка) подвел черту: «Спрашивается, может ли быть названо действительно советским, действительно рабоче-крестьянским учреждение с подобным вонючим букетом на ответственных должностях? Ведь тут прямо просится, вместо советской, другая вывеска: ну, скажем, колчаковская... классовая пролетарская власть не может терпеть во главе своих учреждений подобный царско-колчаковский сброд, притом в такой лошадиной дозе!»²² При этом комиссии неоднократно приходилось успокаивать общественность заявлениями о том, что это вовсе не чистка «специалистов».

Немалую лепту в «разогрев» общественной атмосферы внесла пресса. Начиная с конца сентября во «Власти труда» едва ли не ежедневно публиковались материалы о ходе следствия, о чистке учреждений, интервью с руководством округа, даже фельетоны (в основном за подписями А. Курс и Г. Ангарский). Многие из этих материалов на следующий день (а во время

²⁰ В 1924—1925 гг. он был секретарем президиума губисполкома, с октября 1925 – начальник губАО и губмилиции. Также был председателем Губавиахима и губернского совета физкультуры.

²¹ Власть труда, 1926, №251

²² Власть труда, 1926, №251

суда иногда в тот же день) перепечатываются в «Советской Сибири». Под тему подверсталась даже премьера спектакля «Брат наркома» в городском театре: «Для Иркутска пьеса приобрела некоторую местную злободневность. Разговоры о чистке, взятках, финальный арест местных работников – все это живо наталкивает мысли зрителя на предстоящий процесс ОМХ, на недавнюю чистку»²³. С началом процесса материалы занимают все больше места, иногда им отводятся целые полосы. Появляются портреты обвиняемых, обвинителей и защитников, приводятся их речи. Можно смело сказать, что освещение «горкомхозовской панамы», было беспрецедентным по масштабам.

Конечно, все это формировало резко негативное отношение к обвиняемым и членам их семей²⁴. Было бы удивительно, если бы оно было другим. При обычных зарплатах от 25 до 150 руб. в месяц, десятитысячные траты на «вино и женщин», конечно выглядели запредельными.

И, тем не менее, мы видим, что на порайонных отчетных собраниях горсовета перед избирателями вопрос о «деле Лосевича» обычно даже не поднимался, а иногда его обсуждение возбуждалось просто искусственно²⁵. При этом население, естественно, больше интересовало проблемы благоустройства и квартирный кризис. Более того, на совещании городского партактива 6 октября сообщалось, например, что «рабочие Ленино-Свердловского района трезво смотрят на дело Лосевича и др., что многих рабочих нервирует то, что мы много уделяем внимания этому делу»²⁶. Показателен также вопрос, заданный беспартийными крестьянами – активистами, приглашенными на общее собрание больше-разводнинской ячейки ВКП (б): «Не падет ли растроченная сумма на плечи крестьян?»²⁷.

Судебный процесс, длившийся с 11 декабря по 3 января 1927 г., был открытым и проходил в большом зале Клуба Октябрьской революции (КОР, сейчас это зрительный зал Театра юного зрителя)²⁸. Билеты на процесс распространялись среди населения по профсоюзной линии. Зал был полон, на улице толпились любопытствующие.

²³ Власть труда, 1926, №254

²⁴ Павлова, например, сообщает, что от переживаний на почве травли ослепла малолетняя дочь Лосевича

²⁵ Власть труда, 1926, №№244, 246

²⁶ Власть труда, 1926, №229

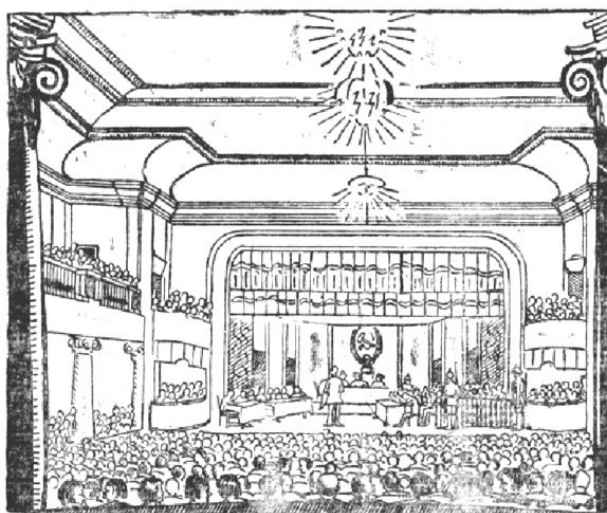
²⁷ Власть труда, 1926, №235

²⁸ В «Иркутской летописи 1661—1940» (2003), С. 498 ошибочно указано «в доме судебных установлений начались заседания окружного суда». Дело рассматривал Сибирский Краевой Суд по Иркутской Постоянной Сессии по Уголовно-Судебному Отделу под председательством М. В. Кожевникова (выпускника 1923 г. правового отделения ФОН ИГУ и в будущем декана юрфака МГУ).

Здание Клуба Октябрьской революции (Клуба совслужащих). Сейчас – ул. Ленина, 23

Пресса и власти, не стеснявшиеся на протяжении двух месяцев в выражениях при изложении состава преступления и не жалевшие красок для описания царившего в ОМХе разврата, превратили заседания в спектакль: «В глубине сцены – стол суда. По бокам – столы защиты и обвинения. Позади стола защиты – тридцать два стула для подсудимых»²⁹. Однако, к началу процесса уже несколько перегнули палку: «...часть публики, выражающая настроение обывательской стихии, окружает процесс атмосферой нездорового любопытства и размусоливания так называемых пикантных подробностей, норовя снизить большое и волнующее содержание дела до степени малюсенького анекдота, поданного со скабрешной приправой. Короче говоря, общественная и политическая сущность процесса подменяется похабной сущностью некоторых деталей»³⁰.

НА ПРОЦЕССЕ ОМХ'а

²⁹ Власть труда, 1926, №286

³⁰ Власть труда, 1926, №293

В течение трех недель тянулись опросы обвиняемых, свидетелей, горячие речи государственных и общественных обвинителей и откровенно бледные выступления защитников. Итог был в общем-то предreshен и известен еще в октябре, несмотря на то, что на суде некоторые обвиняемые и свидетели отказывались от ранее данных показаний, и вообще показания были довольно путанными³¹.

* * *

«— Деньги, — продолжал артист, — должны храниться в госбанке, в специальных сухих и хорошо охраняемых помещениях, а отнюдь не в теткинском погребе, где их могут, в частности, попортить крысы! Право, стыдно, Канавкин! Ведь вы же взрослый человек.»

Булгаков. «Мастер и Маргарита», Гл. 15

Пересказывать все эпизоды дела иркутского отдела местного хозяйства – задача непосильная, да в общем-то и не нужная. На основе только лишь газетных материалов без привлечения следственных и судебных архивов, результат такого изложения будет не вполне достоверным, поскольку призма советской печати, конечно, давала ту картинку, которую должна была давать. Но и через нее вольно или невольно все-таки проходила неискаженная информация, возможно выглядевшая несущественной, а теперь позволяющая выстраивать интересные интерпретации.

Основными пунктами обвинения, выдвигаемыми против ответственных работников были развал хозяйства, превышение служебных полномочий, собственно растраты, а также дискредитация советской власти, выражавшаяся в пьянках и неформальных связях с частными предпринимателями – нэпманами (нэпачами). Самым частным предпринимателям достались классическое взяточничество, неисполнение обязательств по договору и сводничество, как раз и ставшее источником *«атмосферы нездорового любопытства»*.

Развал хозяйства выразался прежде всего в нецелевом или неэффективном использовании средств. Здесь нужно вспомнить, что в связи с возникшими в стране бюджетными сложностями, 23 февраля 1926 года председателем ВСНХ СССР Ф. Э. Держинским был подписан приказ №413 «Об экономии», направленный на снижение себестоимости продукции путем уменьшения непроизводительных расходов государственных предприятий. *«Теперь, когда хозяйство уперлось в недостаток средств для вложения в промышленность и сельское хозяйство, каждая копейка, израсходованная зря, является преступлением. Самый суровый режим экономии должен быть осуществлен во что бы то ни стало, сверху до низу, силами всего государства и всей нашей партии»*³². Была даже создана комиссия при ВСНХ по борьбе с накладными расходами. И вот на этом фоне *«проведение режима экономии по иркутскому отделению Сиблестреста совершенно отсутствует. Штаты служащих продолжают расти. Заводские конторы, имевшие ранее одного счетовода, в настоящее время имеют четырех счетоводов, одного делопроизводителя, одного конторщика и ученицу. Растут штаты счетных работников и в самой конторе отделения. ... В целях якобы проведения экономии в управлении был упразднен выезд. В действительности же оказалось, что кучер с лошадей переведен на содержание иркутского спиртоводочного завода.»*³³

³¹ В этом отношении более вменяемыми выглядят материалы, публиковавшиеся в «Советской Сибири». Хотя они вторичны по отношению к статьям во «Власти труда», печатавшей едва ли не стенографические отчеты с заседаний, и их меньше, однако, может быть именно поэтому, более внутренне согласованы и логичны.

³² Из доклада председателя Совнаркома СССР А. И. Рыкова на сессии ЦИК СССР 15 апреля 1926 г. Цит. по «Власть труда», 1926, №86, С. 3.

³³ Советская Сибирь, 1926, №257, С. 3.

Обвиняемый Лооевич.

Сюда же относились классические, как для дореволюционного, так и для постсоветского периода, нарушения – закупки услуг и товаров по завышенным ценам и обход конкурсных процедур: «... сделка на проволоку с гр. Сапожниковым была совершена по ценам, вдвое более высоким, нежели у госорганов. Покупаются у частников кожаные рукавицы по цене от 1 р. 60 к. до 2 руб. за пару, и то время как в Сибторге они стоили 1 р. 05 к. пара [...] Переплачивалось не только против цен госорганов и кооперации, но и против цен, существовавших у частников; так, бабит на иркутском частном рынке стоил 12 р. пуд, лестрест платит 18 р. 50 к. пуд; канат – 16 р. пуд, лестрест платит 18 руб. [...] То же самое при сдаче различных работ. Государственные механические мастерские политехникума получают вдвое меньше заказов, нежели частная мастерская „Литейщик“. Часть этих заказов „Литейщик“ передает на изготовление в государственные мастерские, так как у него не было соответствующего оборудования [...] Как известно, сделки на сумму свыше 500 руб. подлежат обязательной регистрации на товарной бирже. Для того, чтобы обойти это законоположение, сделка с Сапожниковым на проволоку в сумме 4500 руб. разбивается на 16 отдельных счетов, при чем вся проволока принимается на склад сразу»³⁴. Правда, нужно отметить, что все эти факты не трактовались, как свидетельство «откатов» и «распилов», а были квалифицированы просто как бесхозяйственность. Несмотря на то, что, например, «рабочие деревообделочники знали, что не на свои деньги Борейша (арестованный сейчас зам. управляющего Лестреста) купил себе дом и завел мотор»³⁵, тот же Борейша, получивший 2 года заключения, вообще был полностью оправдан после рассмотрения кассационной жалобы в Верховном суде.

Более необычным выглядит сюжет с так называемым «экономическим фондом» – наличными суммами, поступавшими от реализации имущества бездействующих предприятий и сдачи в аренду недвижимости, но не учитывавшимися на счетах ОМХа и проходивших помимо смет. Именно он стал источником растрат, но интересно то, что из него же выплачивались надбавки к зарплате и отпускам сотрудникам (бухгалтерам, инженерам), периодически производились расчеты с рабочими и подрядчиками, оплачивались командировочные и т. п. Вот, например, объяснения управляющего Лестреста Фельдгуна: «Мы не могли спецам платить хорошее жалованье, поэтому штат был текущий [...] Вот яркий пример: на сользаводе [...] за бурением новой скважины, наблюдал квалифицированный инженер. Он получал 120 руб. Эта ставка его не удовлетворяла. Я шесть месяцев кормил его молитвами, но, наконец, он не выдержал и ушел в Черембасс на 250 рублей [...] Ясно, что чтобы не растерять

³⁴ Советская Сибирь, 1926, №242, С. 2.

³⁵ Власть труда, 1926, №238, С. 4.

инженеров, чтобы удержатъ спецов, необходимы дополнительные вознаграждения. Выбрасывала нас за рамки сметы оплата временных сотрудников. [...] Был целый ряд фактов, как, например, освобождение торговых помещений, которые требовали охраны. Губфин же давал твердую смету и говорил: – Хоть умри, но уложись! Уложиться было нельзя и это толкало на создание «внебюджетных сумм»³⁶.

Впрочем, развал хозяйства на суде выглядел наиболее бледно. По сути «развалился» только залезший в долги и нахватавший неисполнимых подрядов за пределами губернии Стройтрест – предтеча областного и городского Управлений капитального строительства. Его банкротство с последующей ликвидацией было слабо связано с основной линией обвинения, что и выразилось в приговоре его управляющему: И. Е. Голубцов получил всего лишь 2 года условно, а уже через месяц вообще был полностью оправдан Верховным судом по кассации.

Более доказательными, конечно, были факты использования служебного положения, растрат и пьянства. Обвиняемые их, в общем-то и не отрицали. В то же время некоторые нюансы были и тут. Например, обвинения во взяточничестве.

В деле имелось два однотипных эпизода – сдача в аренду в обход конкурсных процедур и по заниженным расценкам городских бань³⁷ и помещения под шляпную мастерскую³⁸. При этом взятки в том виде, как мы сейчас привыкли их себе представлять не было. Были лишь те самые пьянки и кутежи, причем оплачивавшиеся в том числе и самими «мздоимцами». Тем не менее, суд посчитал, что по вопросу о сдаче в аренду помещения шляпной мастерской была создана такая обстановка, при которой ее арендатор была «поставлена в условия приглашения, приема, угощения, приглашая для этой цели к себе женщин, для удовлетворения желания Киселева, Фельдгуна и др. сотрудников ОМХ'а»³⁹. Также и попытка (лишь попытка!) арендатора бани «обходным путем [...] добиться от заведывающего ОМХ'а Лосевича согласия на заключение с ним договора на аренду бани»⁴⁰ была квалифицирована как взятка.

Основным источником растрат для большинства фигурантов дела служил тот самый «экономический фонд», которого как бы и не было, что осложняло (а может быть наоборот, «облегчало») следствию и обвинению оценку масштабов «хищений».

³⁶ Власть труда, 1926, №288, С. 5.

³⁷ По адресу ул. Троцкого, 31 (сейчас район ул. Дзержинского между ул. Карла Либкнехта и Бабушкина).

³⁸ По адресу ул. Карла Маркса, 20 (ныне ул. Грязнова, 1—2).

³⁹ Власть труда, 1927, №4, С. 4.

⁴⁰ Власть труда, 1927, №5, С. 4.

Наконец, самыми очевидными в плане растрат были действия заведующего телефонным трестом Н. А. Кузиков. Вот, например, последовательность его комбинаций с векселями только за 1926 год:

«...17 февраля текущего года Кузиков закладывает цемент за 3.200 р. в Промбанке и из полученной ссуды покрывает позаимствованные с текущего счета 3.081 р., оставив разницу в 109 р. [...] Ссуда была дана только на полтора месяца и 30 марта цемент нужно было выкупить. Чтобы покрыть ссуду под цемент, Кузиков 30 марта берет авансом 5.000 руб. якобы на выкуп грузов и из этой суммы рассчитывается с Промбанком. Остающиеся 1.800 руб. прокучиваются, пропиваются в иркутских притонах [...] Но наступил момент, когда потребовали отчет в полученном пятимесячном авансе. Кузиков обращается за содействием к Юдкину, заместителю Фельдгуна по иркутской конторе Лестреста. Юдкин выдает Кузикову дружественный вексель на 5000 руб. сроком до 28 июня. Этот вексель учитывается в Промбанке и полученными деньгами покрывается аванс. Чтобы выкупить вексель иркутской конторы Лестреста, Кузиков получает два дружественных векселя от Голубцова [...]. Один, в 5000 руб. он учел в Промбанке, другой в 3.000 р. – в Дальбанке и выкупил вексель Лестреста. [...] 5 июля он опять берет авансом 5.000 руб. и выкупает вексель Стройтреста. Окончательно запутавшись в денежных делах, Кузиков все-таки не сдается. Он обращается в Стройтрест к своим приятелям Киселеву и Голубцову и те предлагают ему занять должность уполномоченного по постройке Стройтреста в Даурии. [...]. Перед поездкой Кузиков берет под отчет 3.120 руб. и 28 августа он выкупает второй вексель Стройтреста в 3.000 руб.»⁴¹.

Телеграфист, прапорщик колчаковской армии, член ВКП (б) с ноября 1921 года, 23 февраля 1924 года исключенный из партии «за участие в карательных отрядах при Колчаке в чине офицера, игру в карты и излишества», однако оправданный и восстановленный в партии 5 мая 1925, тридцатидвухлетний Кузиков был, пожалуй, самым ярким в этой компании. Уже находясь в предварительном заключении он, препровождаемый на допрос к следователю, «... уговорил милиционера позволить ему зайти к возлюбленной. Кузиков получил свое удовольствие, а милиционер – два года заключения»⁴².

⁴¹ Советская Сибирь, 1926, №264, С. 2

⁴² Советская Сибирь, 1926, №299, С. 2

Характерной приметой времени было то, каким образом были потрачены не маленькие по меркам нищего существования большинства населения страны деньги. Они были проедены и пропиты.

Регулярные коллективные застолья на квартирах и дачах сослуживцев, в гостиницах и в гостях, выезды на казенных лошадях на охоту на Ангару, в Баяндай и даже на Селенгу⁴³, пикники с ночевками на Петрушиной горе в обществе женщин⁴⁴, пьянки при поездках на приемку леса. На этапе следствия, тайну которого как мы видим особо не хранили, в газетах фигурировали более 80 попок в период с конца 1924 по август 1926 года⁴⁵, т.е. практически ежедневно. Правда на самом процессе, как уже было сказано, многие подсудимые отказались от части показаний и в обвинительной части приговора было зафиксировано лишь полтора десятка таких случаев завершаемые размытым «и т. д.».

Последним и в чем-то даже комическим аккордом в этой тянувшейся почти два года истории беспечного мотовства стали четыре тысячи восемьсот рублей, спрятанные Лосевичем под половицей его дома в Новосибирске и пролежавшие там втуне три месяца.

Итог подо всем этим как нельзя лучше подводит фраза Остапа Бендера в одной из финальных глав «Золотого теленка»: «А что я могу на них сделать, кроме нэпманского жрания? Вот навалился класс-гегемон на миллионера-одиночку!»

* * *

«Прощай, прощай, моя квартира!»
Булгаков. «Зойкина квартира»

В «деле иркутского ОМХа» есть одно совершенно изумительное совпадение – 28 октября 1926 года, когда следствие выходило на финишную прямую, в театре имени Вахтангова на Арбате состоялась премьера пьесы Булгакова «Зойкина квартира».

Очень может быть, что в то самое время, когда на московской сцене Зоя Денисовна Пельц, вдова 35 лет, устраивала в своей показательной швейной мастерской кутежи с участием коммерческого директора треста тугоплавких металлов Гуся-Ремонтного, за пять тысяч километров от нее, в далеком Иркутске, кустарь-одиночка Александра Петровна Коломбо, 32 лет, проживающая без эмигрировавшего из страны мужа, давала показания о регулярных пьяных вечеринках в помещении собственной шляпной мастерской. К счастью для «веселой шляпницы» это не закончилось трупом одного из гостей и у нее в квартире не было опиекурильни, однако свои 3 года строгого режима за организацию притона и сводничество Коломбо получила.

⁴³ Возможно, опечатка, поскольку Селенга упоминается единственный раз – во «Власти труда», 1926, №286.

⁴⁴ В районе современной Лисихи

⁴⁵ Власть труда, 1927, №3, С. 6.

КОЛОМБО

Чтобы оценить всю силу воздействия на ответственных работников соблазнов нэпа, нужно представлять общую атмосферу, царившую в то время в центре города. К середине 20-х годов Иркутск, как, впрочем, и любой другой крупный город, в достаточной степени походил на себя – дооктябрьского. Во всяком случае внешне. Шляпная мастерская (и модная мастерская дамских нарядов) Коломбо располагалась в бывшем доме Кравца по улице Карла Маркса, 20⁴⁶ – на полпути между губисполкомом и губкомом ВКП (б), почти напротив кинотеатра «Гигант»⁴⁷ и ресторана «Новый Свет»⁴⁸. В здании также размещались часовые и ювелирные мастерские и магазины Апельройта и Езрица, парикмахерская Лонциха, а в смежном здании – американская чистка обуви Калариса и электро-слесарно-столярная мастерская ОМХа. Буквально в двух шагах находились винно-гастрономический магазин Жинкина и Русинова⁴⁹, рестораны «Гаспар» (бывший «У чеха»)⁵⁰, «Москва»⁵¹, Кофейно-кондитерская (б. Скибинского)⁵², меблированные комнаты «Европа»⁵³, гостиницы «Центральное Подворье»⁵⁴, «Коммерческое Подворье»⁵⁵, «Семейные номера»⁵⁶, «Гранд-Отель»⁵⁷ и номера Юдковской⁵⁸. И во всех этих заведениях бурлила жизнь. Конечно, можно было идти после работы в театр, библиотеку или на «музыкальную пятницу» в университет, но все сложилось иначе.

«В 1924 году заявление об аренде помещения для шляпной мастерской она [Коломбо] подавала Фельдгуну. Он ей сначала отказал. Коломбо пошла к Соловьеву – заместителю заведывающего управлением недвижимыми имуществами и рассказала ему о своих затруднениях. Соловьев стал ей жаловаться, что ему скучно и спросил: не может ли она устроить пель-

⁴⁶ Сейчас ул. Грязнова, 1. Здание, в котором размещается кинотеатр «Дон-Отелло»

⁴⁷ Карла Маркса, 21 – сейчас Карла Маркса, 15

⁴⁸ Карла Маркса, 23 – сейчас Карла Маркса, 19

⁴⁹ Уг. Карла Маркса и 4-й Красноармейской (сейчас Киевской)

⁵⁰ 4-я Красноармейская, д. 2 – сейчас ул. Киевская, 2

⁵¹ 3-я Красноармейская, д. 3 – сейчас ул. Грязнова, 3

⁵² Карла Маркса, д. 22 – сейчас ул. Киевская, 1

⁵³ Уг. Власовского и 5-й Красноармейской, 13/9 – здание снесено, находилось по адресу пер. Пионерский, 11

⁵⁴ Уг. ул. Троцкого и 5-й Красноармейской, 19/29 – сейчас Дзержинского и Б. Хмельницкого

⁵⁵ Уг. ул. Троцкого и 4-й Красноармейской, 27 – сейчас Дзержинского и Киевской

⁵⁶ 3-я Красноармейская, д. 19 – сейчас Грязнова, 13

⁵⁷ Карла Маркса, 34 – сейчас ул. Литвинова, 1

⁵⁸ Уг. ул. Троцкого и 2-й Красноармейской —сейчас Дзержинского и Лапина

мени, на которые они придут с Фельдгуном? В октябре 1924 года к ней пришли Киселев, Соловьев и Фельдгун и принесли с собой вино [...] Приходили к ней еще не раз. [...]

В общем «семейный круг» собирался у нее 15 раз. В одно из посещений Кузиков напился до бесчувствия и его пришлось выносить на руках. Все это она делала, по показаниям на предварительном следствии, с целью получить помещение на льготных условиях. Кроме того, и «сама люблю выпить»⁵⁹.

«Кузиков встает и мрачно заявляет: – Пьяного не выносили, а пить – пью»⁶⁰.

* * *

*«Шумит ночной Марсель.
В «Притоне трех бродяг»,
Там пьют матросы эль,
Там женщины с мужчинами жуют табак»
Н. Р. Эрдман*

Если Коломбо представлялась в ходе процесса «мещанским омутом» и «угаром нэпа», то Тамара Михайловна Муратова-Добровольская проходила уже по разряду утонченных «гримас» и сюжет с ее «салонном», хотя и был поставлен в один ряд с Коломбо, все-таки выглядит не таким однозначным. К сожалению, без привлечения материалов самого уголовного дела⁶¹ в этой части истории остаются интригующие пробелы – из газет мы не узнаем ни где находилась квартира Муратовой, ни как она выглядела, хотя были напечатаны портреты и менее значимых персонажей.

Начать с того, что на протяжении цикла публикаций она проходила под несколькими фамилиями – Муратова, Муратова-Добровольская, Чагодаева, Чегодадзе, Шкипер и эволюционировала от «бывшей княгини» до просто «оригинальной женщины». По разбросанным в газетах деталям можно лишь попытаться реконструировать часть иркутского периода ее жизни.

Муратова-Добровольская родилась 1895/96 г. в г. Владикавказе в семье служащего в коммерческом предприятии, где-то получила высшее музыкальное образование, где-то выступала под псевдонимом Чагодаева и преподавала музыку⁶². Как и когда она появилась в Иркутске, когда и каким образом стала женой сотрудника ОМХа (а до революции – помощника по денежным расчетам делопроизводителя хозяйственного отделения городской управы) Константина Дмитриевича Шкипер⁶³, почему и когда их брак прекратился или прервался – совершенно неясно. Мы знаем только, что в 1924 году Муратова уже проживала в Иркутске и частным образом преподавала музыку (одной из ее учениц была жена обвиняемого арендатора бани – Новомьяст).

С какого момента частные уроки стали дополняться «салонными» вечерами (в ходе следствия иногда называемых даже «балами») и изначально ли Муратова «в шутку» представлялась «княгиней», также неизвестно, но к осени 1925 года «у нее на квартире собирался весь цвет иркутских нэпачей. Бывали и артисты, и профессора, но преимущественно купцы, явные

⁵⁹ Советская Сибирь, 1926, №298, С. 2.

⁶⁰ Власть труда, 1926, №293, С. 6.

⁶¹ Возможно хранящегося в фонде № Р-1027 Сибирского краевого (затем областного) суда в ГАНУ.

⁶² Власть труда, 1927, №4

⁶³ В справочнике «Весь Иркутск с отделами Забайкальской и Якутской областей» на 1909 год на стр. 71 и в издании «Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 г.» на стр. 76 – помощник по денежным расчетам делопроизводителя II стола Хозяйственного отделения городской управы. В издании «Календарь-справочник по г. Иркутску и Иркутской губернии на 1914-й год» на стр. 187 – среди членов правления Ссудо-сберегательной кассы служащих Иркутского городского управления. В первой половине 20-х гг. Шкипер в связи с ОМХ неоднократно встречается в газете. Извещение о смерти и назначенных на 9 марта 1935 похоронах опубликовано в «Восточно-Сибирской правде», 1935, №55.

и тайные проститутки [...] Обычно угощению предшествовала музыка, декламация, живые картины, а временами и постановки целых водевилей. После угощения публика расходилась ночевать парами»⁶⁴. Квартира Муратовой в кругу ее посетителей «цинично именовалось «красным уголком»⁶⁵. Вечеринки устраивались «каждую субботу. По средам были ужины после возвращения из театра [...] Играли на рояле, пели, ставили кабарэ, устраивали игры с поцелуями. [...]

Брали из конторы Транслеса столы и стулья»⁶⁶. Гостей бывало человек 30. Продукты привозились с собою: корзины две сладкого вина, простого – четверть, пиво, крушон, птица в холодном виде [...] Вообще вечера были роскошные. Гулянка продолжалась часов до 4-х. Некоторые уходили часов в 8 утра»⁶⁷.

Гостями квартиры были разные люди, но очевидно, что собиравшееся здесь общество отличалось от завсегдатаев шляпной мастерской. И хотя на суде Муратова отрицала присутствие на вечерах «спекулянтов», в перечне привлеченных к процессу свидетелей мы видим не только членов коллегии защитников А. С. Эфрона, В. Г. Розена и К. С. Юдельсона, но и семейство арендатора бани Новомяст, и их родственницу Копцеву. Со стороны администрации мы также встречаем лишь «верхушку» – Лосевича, Киселева и Фельдгуна и как бы походя упомянутого... начальника губернского административного отдела и губернской милиции М. П. Мельникова (кстати, как-то тихо, без опубликованных мотивировок, освобожденного от занимаемых должностей в конце сентября или начале октября 1926 г.).

На суде Муратова подтвердила лишь четыре вечеринки (именно такое их количество записано в заключительной части приговора), на которых по показаниям большинства свидетелей решительно ничего предосудительного не происходило. Такой контраст между обличительным пафосом публикаций в начале следствия и материалами с заседаний суда в декабре, невольно наводит на мысль, что этот градус был понижен намеренно. Возможно, с целью не позволить «*снизить большое и волнующее содержание дела до степени малюсенького анекдота*», а может быть и для того, чтобы не выводить на сцену хорошо известных и влиятельных в городе людей.

В результате «дискредитация советской власти» стала выглядеть не очень убедительно. Конечно, исполнение песен Вергинского или «Танца апашей»⁶⁸, гипнотические сеансы и «народные поцелуйные игры» накладывали на вечера печать отнюдь не пролетарского декаданса, как и розовые конверты адресованные «сеньору Лосевичу»⁶⁹, приносившиеся курьером председателю губисполкома. Однако все это мало походило на обличительные описания периода начала следствия, вроде этого: «*На пьянках женицин и вина было в изобилии. Пьяные оргии завершались повальной свалкой. Под музыку, под рояль, под гармонь, под тоскливые цыганские романсы, валились опустившиеся коммунисты под столы, засыпая в пьяных объятиях женицин*»⁷⁰.

Интересно, что в ряд свидетельств «*идеологического разложения*» были поставлены и, казалось бы, вполне невинные вещи. В самом деле, что крайне ужасного было в исполнении «Танго-Сатаник», написанного вполне лояльным к советской власти композитором

⁶⁴ Советская Сибирь, 1926, №255, С. 2.

⁶⁵ Власть труда, 1926, №286

⁶⁶ Это единственное косвенное указание на местонахождение квартиры Муратовой-Добровольской. Иркутская районная контора «Сибтранлес» размещалась в здании по ул. Ленина, 15 (сейчас – Ленина, 11). Переноска стульев и тем более столов предполагает, что квартира располагалась в том же или соседнем здании.

⁶⁷ Советская Сибирь, 1926, №301, С. 2.

⁶⁸ Стиль парного танца, родившийся в начале XX века в парижских трущобах

⁶⁹ Власть труда, 1926, №294, С. 5.

⁷⁰ Власть труда, 1926, №249, С. 8.

М. И. Николаевским⁷¹, или в постановке миниатюры «Притон трех бродяг», за год до этого появившейся на подмостках московского театра «Не рыдай»⁷². И уж тем более странным выглядит помещение в этот перечень декламации стихов Есенина. Статья Г. Ангарского «Без дороги: Против упадочничества, против «есенинизма» с выдержками из «Комсомольской правды» была опубликована во «Власти труда» только 25 сентября. И хотя к концу года «есенищина» уже безоговорочно рассматривалась как причина упадочнических настроений и суицидов в молодежной среде⁷³, во время проведения «салонов» Есенин был не только любим, но и официально «почитаем». Еще 17 января в иркутском Доме работников просвещения проходил «вечер памяти русского крестьянского поэта Сергея Есенина», летом 1926 г. публиковалась информация об открытии в Константиново именной избы-читальни с уголком-выставкой, посвященной его творчеству.

В общем, неудивительно, что адвокат Муратовой – В. М. Рябкин – настаивая на оправдательном приговоре для своей подзащитной прямо заявлял на суде: *«Статья 171 предусматривает различные виды содействия чуждому половому разврату. В действиях Муратовой не доказана эта посредническая деятельность. [...] Также не доказан второй признак этой статьи – содержание притона; помимо всего не доказан необходимый для этого признака корыстный мотив»*⁷⁴.

В феврале или марте 1926 г. Муратова неожиданно уезжает из Иркутска и просит знакомых никому не сообщать своего адреса. В письме к одному из своих учеников – Юдельсону – она сообщает: *«я встретила с очень ответственным работником, он взял меня на банкет и сделал мне предложение [...] у него большие связи и я смогу хорошо устроиться в Москве. Наконец, чем я рискую? Я встретила профессора, он еще интереснее Женечки Лосевича»*⁷⁵. Где и когда она была арестована мы не знаем.

Несмотря на явно недостаточную доказанность обвинений Муратова-Добровольская также получила 3 года строгой изоляции с последующим поражением в правах на 5 лет.

* * *

«ИРКУТСК, 7. (Сиброста). Начиная с нового хозяйственного года прекратил свое существование целый ряд крупных частных фирм. Закрылось много частных лавок, преимущественно мануфактурных. Товарная биржа объясняет это явление началом регулирования наценок в частных торговых предприятиях, а также трудностями закупки ходовых тканей для частника»
Советская Сибирь, 1926, №232 (8 окт.)

⁷¹ Матвей Иосифович Николаевский (28.06.1882, Москва – 01.03.1942, Куйбышев), с 1920 концертмейстер Большого театра. Автор методических работ по вопросам фортепианной педагогики, сочинений для симфонического оркестра, для фортепиано, романсов, песен, в т. ч. «Под дугой колокольчик поэт» (сл. В. Гарлицкого), «Эй, довольно» (сл. К. Подревского, 1927), «Широка в полях дорога» (сл. К. Подревского, 1927). Старший брат – Николай (1880—1951), кларнетист и военный дирижер, один из основоположников современной отечественной военной музыки. «Сатаник танго» – [битая ссылка] <http://pleer.com/tracks/132223571kvA>.

⁷² Популярное танго и миниатюра Н. Р. Эрдмана (стихи) и Ю. С. Милютина (танго), написанные в 1924. Исполнялась Р. Зеленой, М. Местечкиным и М. Гаркави. Танго было очень популярным, через год оно же было опубликовано с новым, идеологически выдержанным текстом О. Осенина о мрачной жизни марсельских рабочих. Текст этот пропагандировался официально, но в фольклоре не закрепился.

⁷³ Вот характерный пример такой подачи: *«Среди учащейся молодежи наблюдаются случаи самоубийства. За эту осень было два случая. Не очень давно застрелился комсомолец (рабфаковец) и оставил записку: „В смерти никого не вините“. Причины подобных самоубийств – это отрыв от практической работы, отрыв от работы массы, уклон в сторону „есенищины“.* Застрелившийся недавно комсомолец до смерти писал какую-то „мрачную“ поэму» // Власть труда, 1926, №299, С. 4.

⁷⁴ Власть труда, 1927, №4, С. 3.

⁷⁵ Власть труда, 1926, №297, С. 4.

Из 32 обвиняемых по делу Иркутского ОМХа было осуждено 25: шестеро (Лосевич, Киселев, Фельдгун, Богданов, Поляков и Кузиков) приговорены к расстрелу; пятеро (Ножнин, Филиппов, Коломбо, Муратова, Новомяст И.) – к 3 годам строгого режима с последующим поражением в правах на 5 лет; шестеро (Добкин, Головня, Шварц, Алексеев, Юдкин, Борейша) – к 2 годам; шестеро (Близневский, Попов, Пешков, Соловьев, Богатырев, Байкалов) – к 1 году; Голубцов и Павлов – к 2 и 1 годам условно; семеро (Радыгин, Дурново, Лавриненко, Лаврентьев, Белоголовый, Пилипенко, Новомяст А.) – оправданы⁷⁶. Все осужденные подали кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР, по итогам рассмотрения которой 3 февраля 1927 еще двое из них (Голубцов и Борейша) были оправданы⁷⁷, а Добкину срок был снижен с двух лет до полугода. Прошение о помиловании направленное во ВЦИК приговоренными к высшей мере осталось неудовлетворенным⁷⁸.

При, можно сказать «молниеносном» следствии и затяжном суде, процесс как-то исключительно быстро пропал из повестки после своего окончания. Не получила даже распространения такая типичная примета того времени, как трансформирование фамилий злодеев с помощью суффикса «-щина» в понятие общего характера. «Лосевичевщина» и «Киселевщина» лишь единожды мелькнули в газетном заголовке⁷⁹, но не использовались даже в речах общественных обвинителей.

Итоги процесса еще использовались А. Г. Ремейко в качестве аргумента на сессии ЦИК СССР о снижении бюрократического давления центра на регионы в конце февраля 1927 года⁸⁰. На него ссылались в марте, оправдывая неисполнение партийных директив, полученных в октябре 1926 и... всё. Последнее обнаруженное упоминание о деле Лосевича датировано концом апреля 1927 года, когда в Иркутске был произведен арест членов антисоветского «Комитета взаимопомощи» (епископ Ираклий, Шипунов, Галахов и др.): «*Организация вела систематическую контрреволюционную агитацию... На деле Лосевича и К-о строились проповеди о „блудных сынах“, отошедших от бога и потому согрешивших и так пострадавших*»⁸¹.

Из инициаторов, обвинителей и защитников, фамилии которых мелькали на страницах газет в связи с делом иркутского ОМХа мало кто пережил следующее десятилетие: Эйхе, Сырцов, Банкович, Ремейко, Зимин, прокурор Пачколин, адвокаты Поротов, Дубовик, Рябкин – были репрессированы в 1937—1939 гг.

И все же, несмотря на то, что дело иркутского ОМХа пропало из официальной риторики практически сразу после своего окончания, в человеческой памяти оно задержалось надолго. Впечатление, оказанное газетными публикациями 1926—27 гг. было настолько сильным, что его не могли вытеснить ни прокатившиеся по стране волны репрессий, ни Великая Отечественная война, ни целина, ни великие стройки второй половины XX века. В 1974 году в Новосибирске были опубликованы беллетризированные мемуары советского писателя Г. А. Лосьева⁸²

⁷⁶ Заключение было опубликовано в №№3, 4 и 5 «Власти труда» за 5, 6 и 7 янв. 1927 года соответственно.

⁷⁷ Советская Сибирь, 1927, №29; Власть труда, 1927, №30.

⁷⁸ Советская Сибирь, 1927, №33

⁷⁹ Советская Сибирь, 1926, №255, С. 2.

⁸⁰ Власть труда, 1927, №52: «*Как раз в Иркутске, откуда я приехал на сессию, недавно шел процесс группы ответственных работников, по которому теперь, в результате решения высших судебных органов, расстреляно 6 человек. Как раз это говорит о том, что существующая форма, несмотря на ее детализацию, несмотря на ее подробный характер, не обеспечивает нас от растрат и хищений*».

⁸¹ Власть труда, 1927, №91

⁸² Лосьев Георгий Александрович (1900.05.22, Тифлис – 1976.09.14, Новосибирск). В 1920-х – 30-х гг. в ЧК и следственных органах. Писатель. 1927 – повесть «Кровь и снег». Публиковался в журн. «Сиб. огни», «Охотник и пушник Сибири». Книги: «Самоубийство Никодимова» (1962), «Рассказы народного следователя» (1964), «Вексельное право» (1966), «Сибирская Вандея» (1967), «Рассказы военного следователя» (1974) – неоднократно переиздавались в 80-х, 90-х гг и нач. 21 века. Так же см. статью: Истребитель бандитов и волков // Вечерний Новосибирск, 2006, 30 нояб., [битая ссылка] <http://vn.ru/index.php?id=82277>.

«Рассказы военного следователя». В прошлом чекист и работник следственных органов, спустя полвека пишет:

«В конце нэпа по всей Сибири, Забайкалью и Дальнему Востоку прогремело «Дело Лосевича и княгини Муратовой».

Лосевич, в прошлом видный советский работник, участник Гражданской войны, во времена нэпа морально разложился.

Оказавшись на огромном по тому времени посту председателя Красноярского крайисполкома, Лосевич беспробудно пьянствовал, окружил себя классово-чуждым элементом и по горло увяз в болоте половой распущенности. Когда рука партии наконец схватила перерожденца, оказалось, что прокучены, пропиты десятки тысяч государственных денег.

Начался широкий процесс, прозвевший набатом по городам Сибири. Газеты печатали судебные отчеты, посвящая им целые страницы. Одна за другой разворачивались омерзительные картины морально-бытового разложения целой группы красноярских ответственных работников, устраивавших грандиозные попойки и «афинские ночи». Пропившие честь и совесть, обанкротившиеся руководители не метафорически, а в действительности купали своих наложниц в ваннах с шампанским.

Царицей этих вакханалий была любовница Лосевича, восточная красавица и бывшая княгиня Муратова, иронически называвшая себя «княгиней семи баранов». Возможно, что Муратова намекала на число своих одновременных сожителей, но сама она расшифровала этот свой титул иначе, утверждая, что после смерти ее отца, кавказского князя, все доставшее ей наследство составляли семь курдючных баранов...

Рабочие массы Сибири откликнулись на процесс красноярских перерожденцев единодушным возгласом: «Смерть!»

Иначе быть и не могло. Лосевич, Муратова и еще несколько краевых заправил, участвовавших в растратах и оргиях, заплатили за преступления жизнью. Остальных осудили на разные сроки лишения свободы»⁸³

Велика была сила газетного слова, если даже через пятьдесят лет, пусть и перепутав место действия, пожилой человек помнил фамилии главных персонажей и даже некоторые красочные подробности, вроде «княгини семи баранов» (в оригинальных статьях их речь, правда, шла о пяти). Лосев мог знать о деле Лосевича только из публикаций в «Советской Сибири» и то, что ему запомнилось – практически квинтэссенция их «фельетонной» части.

На этом публицистическая и литературная линия этой драмы заканчивается. Только в 1995 году в научном журнале «Гуманитарные науки в Сибири» выходит статья И. В. Павловой «„Иркутское дело“ 1926 года», но это начало уже совсем другого – историографического – сюжета.

Автор благодарит: жену Ирину – за терпение и искренний интерес к рассказанной истории, Александра Сергеевича Снарского – за любезно предоставленные иллюстративные материалы, и, конечно, библиотечную сеть страны – за сохранность источников.

весна 2015

⁸³ Цит. по: Лосев Г. А. У чужих берегов. М.: Вече, 2006.

Читайте советские газеты *лирическое отступление к прочтению не обязательное*

«The newspapers are making morning after morning the rough draft of history. Later, the historian will come, take down the old files, and transform the crude but sincere and accurate annals of editors and reporters into history, into literature»⁸⁴

*The Educational Value of «News» //
The State, 1905 Dec. 5, P. 4*

В чем сила и одновременно слабость краеведов? Их любовь к местной истории так велика, что они с восторгом тонут в подробностях и часто не могут не то чтобы увидеть общей картины, но нарисовать ее из-за абберрации близости – слишком много фактов и фактиков и все дробно. При этом, как любому человеку, краеведу может быть близка та или иная тема и в фактах именно этой темы он и тонет, потому что мелочи – они неисчерпаемы. А все остальное, если возникает вдруг такая нужда, краевед возьмет у профессионалов. А как иначе, ведь они – старшие братья и если уж ученая степень не гарант достоверности, тогда что?

У профессиональных историков беда другая. Приученные методологией написания дипломных, кандидатских и докторских к тому, что факты суть симптомы теории, что через них проявляет себя исторический процесс, в котором должны быть закономерности, они часто начинают относиться к ним лишь как к иллюстрациям, наглядно подтверждающим защищаемую концепцию или расцветивающим монотонность научного стиля изложения. Подбор иллюстраций всегда тенденциозен и в этом нет ничего страшного, на то они и иллюстрации, однако же, при таком отношении к факту возникает опасность не намеренного, упаси бог, конечно, его искажения, но некоторой небрежности в передаче. В русле конкретной исследовательской темы, особенно если факт не является значимым для защищаемой концепции, такая небрежность не меняет общей картины. Проблема же заключается в том, что каждая научная публикация, если она по-настоящему хороша и интересна, порождает кумулятивный эффект – на нее начинают ссылаться, причем не всегда в работах, чья задача совпадает с целями исследования-источника. И чем больше фактов введено в научный оборот, чем менее доступными являются источники таких фактов в исходной публикации, тем меньше шансов, что при повторном использовании они будут перепроверены, а не станут тиражироваться дальше и дальше.

В далеком уже 1995 году в первом номере журнала «Гуманитарные науки в Сибири» была опубликована статья к. и. н., научного сотрудника Института истории СО РАН, координатора Новосибирского общества «Мемориал» Ирины Владимировны Павловой «„Иркутское дело“ 1926 года». Статья была написана еще в 1993 на материалах архивного фонда Сибкрайкома ВКП (б), хранящегося в ГАНО⁸⁵. Вкратце, рассматриваемый автором сюжет сводится к тому, что осенью-зимой 1926 года в Иркутске по заданию Сибкрайкома была проведена «чистка» сотрудников советских учреждений и устроен показательный процесс над рядом ответственных работников, шестеро из которых в итоге были расстреляны. При этом в городе была организована масштабная информационная кампания по формированию резко отрицательного общественного мнения к обвиняемым, грубо нарушались такие базовые принципы

⁸⁴ «Газеты утро за утром создают черновик истории. Потом придет историк, разберет старые папки и превратит сырые, но точные и аккуратные анналы редакторов и репортеров в историю, в литературу.»

⁸⁵ Фонд П-2 «[битая ссылка] Сибирский краевой комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), г. Новосибирск, 11. 05. 1924 – июль 1930 г.»

правосудия, как презумпция невиновности и соразмерность наказания содеянному. В рамках разрабатываемой автором темы – «становления механизма коммунистической власти», причем в масштабах, выходящих за пределы регионального исследования⁸⁶ – «иркутский» пример сам по себе был иллюстрацией, а его несущественные с точки зрения стоящих перед исследователем задач детали – тем более.

Как было отмечено в «историографическом» абзаце: «Об „Иркутском деле“ в литературе нет никакого упоминания». Собственно, за прошедшие 20 лет упоминаний о нем и не прибавилось, если не считать краткого пересказа самой статьи Павловой в издании «Иркутск в панораме веков» (2002, С. 329), без изменений приведенного и в книге «Иркутский край. Четыре века» (2012, С. 506—507). Отдельные факты из статьи послужили источником для биографических статей в историко-краеведческом словаре «Иркутск» (2011, С. 309), были включены в «Иркутскую летопись 1661—1940» (2003, С. 494, 740).

Между тем, «Иркутское дело» не тайна новосибирского партархива. Все изложенное Павловой, за исключением нескольких цитат из секретной переписки руководства Сибкрайкома, легко можно найти в иркутской газете «Власть труда» и в краевом печатном органе «Советская Сибирь» за сентябрь 1926 – февраль 1927 годов. Причем в таком объеме, что становится понятно – эта история была одним из главных событий в жизни города на протяжении 4—5 месяцев. В общей сложности в 65 номерах «Власти труда», с лишком 60 тыс. слов, почти 450 тыс. знаков, 30 иллюстраций так или иначе было посвящено «Иркутскому делу», которое правильнее будет называть «Делом Иркутского ОМХа (отдела местного хозяйства)» или «Делом Лосевича и др.», потому что именно так оно проходит в современных ему текстах газетных статей, а также опубликованных партийных документах и материалах судебного заседания.

Что же не так в статье Павловой и производных от нее? Приведем выдержки из текста статьи с выделением мест, которые не согласуются с аутентичными газетными материалами:

До 19 мая 1926 г. секретарем Иркутского губкома был А. В. Гриневич, отозванный затем в ЦК ВКП (б).

Андрей Владимирович Гриневич еще 25—26 июня 1926 г. был секретарем Иркутского губкома ВКП (б) и выступал с докладом на пленуме губисполкома. (ВТ, 1926, №139).

Некоторое время губерния (а с 25 мая 1926 г. – Иркутский округ) жила без секретаря, пока Сибкрайком не назначил на эту должность Н. Н. Зимина...

Иркутский округ как административно-территориальная единица образован постановлением ВЦИК РСФСР от 28 июня 1926 года, при этом в п. 3 постановления предписывалось «закончить окружное районирование Иркутской губернии... не позднее 1 октября 1926 года и установить сроки созыва окружных и районных съездов советов». Так что Иркутская губерния и губернские органы власти не только фактически, но и формально продолжали действовать на период районирования вплоть до 28 сентября 1926 года. Только 29 сентября 1926 г. №221 «Власти труда» выходит с новыми подзаголовочными данными. Теперь, после 1-го окружного съезда советов и 1-й окружной партконференции, она орган не губернского, а «окружного комитета партии, исполкома и профсовета». Откуда взялась дата 25 мая предположить сложно. Возможно это просто опечатка, а может быть смешение с постановлением ВЦИК от 25 мая 1925 года, в соответствии с которым Иркутская губерния вошла в состав созданного Сибирского края, правда, «с сохранением существующего ныне административного деления»⁸⁷.

⁸⁶ Итогом этой большой работы можно считать книги «Сталинизм: становление механизма власти» (1993), «Механизм власти и строительство сталинского социализма» (2001), «Механизм сталинской власти: становление и функционирование. 1917—1941» (2002?)

⁸⁷ Более странной выглядит та же дата на стр. 499 книги «Иркутский край. Четыре века» (2012) в профильной главке «Административно-территориальные преобразования в начале XX века»: «Иркутский округ был образован постановлением

27 мая 1926 г. бюро Сибкрайкома утвердило его своим ответственным инструктором, а затем назначило секретарем Иркутского окружного комитета ВКП (б)

Иркутский окружной комитет ВКП (б) появился только 27 сентября, когда его состав был выбран на 1-й окружной партконференции. До этого момента действовал и существовал губком. Николай Николаевич Зимин впервые появляется на страницах «Власти труда» в сентябре 1926 г. Он выступал на общегородском собрании врачей 8 или 9 сентября в качестве секретаря губернского комитета ВКП (б)⁸⁸.

9 сентября 1926 г. состоялось закрытое заседание бюро Иркутского окружного комитета ВКП (б), которое санкционировало предложение Зимина об аресте заведующего городской телефонной станцией Кузикова. Последний сразу же дал показания на... председателя губисполкома Лосевича

Евгений Владиславович Лосевич на момент ареста (в 20-х числах сентября 1926) уже почти три месяца был **бывшим** председателем губисполкома и находился в Новосибирске. 26 июня 1926 г. на пленуме губисполкома было сообщено о его отзыве на должность зам. управляющего Сибирской конторы Госбанка и об утверждении в должности председателя губисполкома Александра Георгиевича Ремейко (Тихомирова). При этом предгика он тоже пробыл не долго – всего лишь четыре месяца (с 1 марта 1926⁸⁹). Поэтому по процессу он проходил, прежде всего, как руководитель отдела местного хозяйства Иркутского губисполкома в 1922—1925 гг. – структуры занимавшейся управлением государственным имуществом и промышленными предприятиями, как мы сейчас бы выразились, учрежденными региональной властью.

Процесс над участниками «Иркутского дела» начался 12 декабря

Процесс начался 11 декабря 1926 года⁹⁰.

А теперь посмотрим, как описано «Иркутское дело» в книге «Иркутск в панораме веков» (2002). Для удобства текст пойдет параллельно. Сначала приведем содержательный абзац:

ВЦИК РСФСР от 25 мая 1926 г. с подчинением Сибирскому краю». Ни декрет ВЦИК от 25.05.1925, ни «Положение о Сибирском крае», утвержденное ВЦИК только 24 октября 1925 г. никакого Иркутского округа не знают: «Иркутская губерния входит в состав Сибирского края с сохранением существующего ныне административного деления». Вопрос районирования Иркутской губернии окончательно был решен в лишь в начале апреля, а его детали продолжали обсуждаться вплоть до постановления 25 июня 1926 г., после которого были созданы краевая, губ и окркомиссии по районированию. В №159 «Власти труда»: «К первому августу окружные комиссии по районированию должны окончательно разработать планы ликвидации существующих и формирования новых учреждений. К 15-му августу должны уже быть ликвидированы: Иркутский, Зиминский и Верхотенский уики, а к 1 сентября все остальные уики губернии и Иркутский ГИК... С 25 августа по 3-е сентября Окружные комиссии будут рассматривать и утверждать районные, городские и окружные бюджеты на 1926—27 год. К первому октября вся работа по районированию должна быть закончена. К этому времени должны быть уже проведены окружные съезды советов, на которых будут избраны окрисполкомы»

⁸⁸ Власть труда, 1926, №205

⁸⁹ Власть труда, 1926, №49

⁹⁰ Власть труда, 1926, №№284—286

**«Иркутск в панораме веков» /
«Иркутский край. Четыре
века»**

Так, назначенный в мае 1926 г. секретарь Иркутского окружного комитета ВКП(б) Н.Н. Зимин получил задание от председателя Сибкрайкома Р. И. Эйхе и секретаря С. И. Сырцова организовать чистку среди высшего руководства Иркутска и Иркутского округа.

9 сентября 1926 г. решением бюро окружкома ВКП(б) были арестованы председатель окрисполкома Е. В. Лосевич, заведующий городской телефонной станцией Кузиков, заведующий городским отделом коммунального хозяйства Киселев и председатель «Лестреста» Фельдгун.

Обвинения были различны — от взяточничества и казнокрадства до организации кутежей и пьяных оргий. Поднятая властями пропагандистская шумиха способствовала нагнетанию среди горожан резко негативного отношения к обвиняемым. 9 февраля 1927 г. все главные участники судебного разбирательства были расстреляны.

Одновременно среди чиновников Иркутска была устроена чистка, которой подверглись 292 человека, из них 76 были уволены.

«Иркутское дело» 1926 года

27 мая 1926 г. бюро Сибкрайкома утвердило его своим ответственным инструктором, а затем назначило секретарем Иркутского окружного комитета ВКП(б)... Судя по сохранившимся документам, у Зимина перед отъездом в Иркутск состоялся разговор с секретарем Сибкрайкома ВКП(б) С. И. Сырцовым, который поручил ему «раскрутить дело» против ряда ответственных работников Иркутска и одновременно провести чистку соответствующих учреждений

9 сентября 1926 г. состоялось закрытое заседание бюро Иркутского окружкома ВКП(б), которое санкционировало предложение Зимина об аресте заведующего городской телефонной станцией Кузикова. Последний сразу же дал показания на заведующего городским коммунальным хозяйством Киселева, председателя «Лес-Треста» Фельдгуна и председателя губисполкома Лосевича, которые вскоре были арестованы

Одновременно со следствием в городе проходила чистка. Ее прошли 292 сотрудника горкомхоза, Стройтреста, телефонной станции и конторы Сиблестреста, 76 из них были уволены

В результате в «Иркутской летописи» (2003) в списке председателей исполкома Иркутского губ. совета мы получаем строчку «б. Лосевич Евгений Владиславович март-сентябрь 1926» и не имеем среди председателей губисполкома Ремейко. В историко-краеведческом словаре «Иркутск» (2011) статья о Лосевиче также содержит неверную информацию «март – сент. 1926 – предс. Ирк. губисполкома».

Меняет ли это что-нибудь? В масштабах минувшей без малого сотни лет – четыре-пять месяцев разницы в датировках, действительность занимаемой человеком на момент ареста должности, наверное, действительно не существенны. В конце концов, процесс был, фигурантов расстреляли, а округ упразднили меньше чем через пять лет. Важно ли все это? Мне кажется, да. Бережное и уважительное отношение к факту – залог доверия к всему сообществу историков-профессионалов со стороны любителей и просто любопытствующих.

Теперь обратимся к предваряющему абзацу, задающему контекст и тон всему материалу в сопоставлении с выдержкой из вводной части статьи Павловой:

**«Иркутск в панораме веков» /
«Иркутский край. Четыре века»**

Со второй половины 1920-х гг. начинает складываться **привилегированный слой партийной бюрократии**, с каждым годом все более и более дистанцировавшийся от рядовых членов ВКП(б). Среди **партийных работников** наблюдались взяточничество, казнокрадство и другие пороки. Партийное руководство снисходительно взирало на все происходившее, а вводимая им система номенклатурных привилегий и льгот была призвана сделать **партийных чиновников** зависимыми и легко управляемыми. Время от времени **партийная верхушка** проявляла в отношении подчиненной ей **номенклатуры** демонстративную принципиальность. Тогда и проводились в регионах **чистки партийного и государственного аппарата**, целью которых было не только найти «виновного» в **чиновничьих злоупотреблениях**, но и избавиться от недостаточно стойких и преданных **аппаратчиков**.

«Иркутское дело» 1926 года

В 20-е годы широкую известность получили факты морально-бытового разложения **партийно-советской верхушки** на местах. Они выражались чаще всего в растратах, подлогах, взяточничестве, использовании женщин, подчиненных по службе. Злоупотребления властью начались сразу после Октябрьского переворота, когда большевистская партия приобрела неограниченное право распоряжаться богатствами страны и судьбами людей. Эти злоупотребления имели место в 20-е и последующие годы, причем в масштабах гораздо более крупных. Система тоталитарной власти предполагала существование коррупции ее **аппарата**. Более того, **правлящая верхушка** сама насаждала эту коррупцию, стремясь «повязать» **номенклатурных работников** льготами и привилегиями, сделать их таким образом зависимыми и легко управляемыми. Время от времени в отношении своих работников на местах коммунистическая власть проявляла демонстративную принципиальность. При этом речь шла не о верхушке партии, которая всегда жила по неписаным законам и какой-либо контроль за ней был полностью исключен. Тем самым формировалось убеждение, что все преступления, на совести местных властей, искажающих или предающих генеральную линию партии.

Как видим, получившийся экстракт в некоторых своих моментах больше соответствует духу исходной работы, чем достаточно аккуратным формулировкам в изложении событий самой Павловой и даже усиливает акцент на репрессиях против партийного руководства и партийной номенклатуры.

Таким образом, всего лишь в десяти предложениях нам рисуется общая картина, которую можно описать классической фразой – «революция пожирает своих детей». И в общем это верно, однако за этими словами Дантона все же теряется понимание того, что «детьми» были не только революционеры. Детьми революции были все.

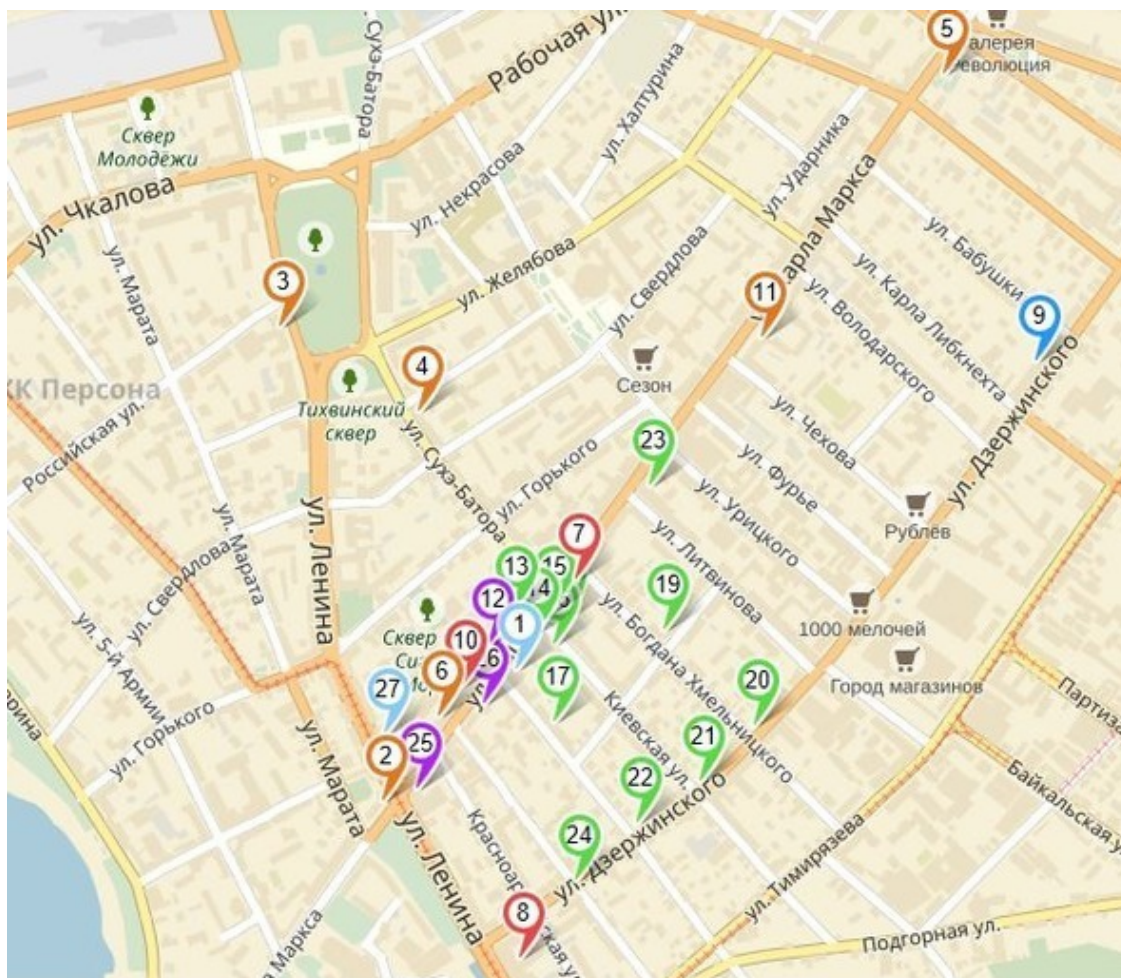
Из 32 обвиняемых по делу Лосевича только 7 были членами ВКП(б). Руководителями – и того меньше. Основная масса осужденных – бухгалтеря, инженеры, частные предприниматели, даже учительница музыки. Чистка также прошла по всем этажам – от руководителей учреждений (например, заведующего городским театром) до машинистки и прораба. Отно-

силь кого-то из них к высшему руководству губернии и уж тем более к партийной бюрократии было бы некоторой натяжкой. Пожалуй, единственным хоть как-то подходящим под это определение был арестованный и расстрелянный заведующий городским отделом местного хозяйства Киселев, да еще председатель горсовета Бесеневич, который считая себя «морально ответственным за преступления в подконтрольных совету учреждениях», попросил освободить его от должности, но по делу не проходил, хотя и был исключен из партии. Как раз наоборот, именно высшее руководство – председатель губисполкома, секретарь губкома партии и начальник иркутского губернского отдела ГПУ (который, кстати, не менялся с марта 1924⁹¹) «раскручивали» процесс. Описывать, а значит и интерпретировать «дело Лосевича», как репрессии чисто внутривнутрипартийные и только показательные неверно.

Политически мотивированными были тяжесть приговоров и осуждение ряда обвиняемых, но не сам процесс. Хотя, конечно, в то время политизировано было все.

⁹¹ Шлёнов Дмитрий Васильевич (1891—1957) руководил иркутским ОГПУ с марта 1924 по май 1927 года. (Ист.: [битая ссылка] <http://www.knowbysight.info/ShSS/07875.asp>).

Приложение 1. Карта-схема основных мест действия

Интерактивная карта на сервисе «Яндекс. Карты»

1. Шляпная мастерская Коломбо
2. Губисполком
3. Горсовет и ОМХ
4. Городская телефонная станция
5. Губернский административный отдел
6. ГубРКИ, ГУБОНО, Гублит
7. Губком ВКП (б) и РЛКСМ
8. Клуб Октябрьской революции (Совнардом)
9. Бани Новомяст
10. Редакция газеты «Власть труда»
11. Иргубстройконтора ОМХ
12. Кино «Гигант»
13. Ресторан «Новый Свет»
14. Американская чистка обуви Калариса
15. Винно-гастрономический магазин Жинкина и Русина
16. Ресторан «Гаспар» (бывший «У чеха»)
17. Ресторан «Москва»
18. Кофейно-кондитерская (б. Скибинского)

19. Меблированные комнаты «Европа»
20. Гостиница «Центральное Подворье»
21. Гостиница «Коммерческое Подворье»
22. Гостиница «Семейные номера»
23. «Гранд-Отель»
24. Номера Юдковской
25. Кино «Новый»
26. Кино «Художественный»
27. «Сибтранслес», Иркутская Районная Контора

Ссылка на интерактивную карту на сервисе «Яндекса»: <https://goo.gl/uacLfl>

Приложение 2. Дело Иркутского ОМХа: газетные материалы 1926—1927 гг.

Власть труда, 1925, 24 дек. (№295), С. 8

НОВОЕ ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО ИЗ РЕВНОСТИ

Вчера, в 11 час. дня, на гр. Кузикова (зав. иркутской телефонной станцией) его женой было произведено покушение. О покушении стало известно по следующему случаю.

К проходившему по ул. Маркса, в 11 час. утра, начальнику губадмтдела тов. Мельникову подошла гражданка Кузикова и обратилась к нему с просьбой арестовать ее, так как она «только что из ревности убила своего мужа».

Гр-ка Кузикова была отправлена в ГАО, а на место происшествия срочно прибыли работники милиции и скорая медицинская помощь.

Тов. Кузиков оказался раненым пулей в живот и после первой перевязки отправлен в губ-больницу.

Власть труда, 1926, 26 июня (№141), С. 8

Открылся пленум Губисполкома

Вчера в 11 ч. утра открылся пленум Иркутского губисполкома. На пленуме присутствует около 40 человек.

С докладом об окружных бюджетах выступил т. Зуев-Ратников (доклад был напечатан в №139 «Власти Труда»).

Власть труда, 1926, 27 июня (№142), С. 8

Новый председатель губисполкома

Перед закрытием пленума губисполкома было сделано сообщение о том, что т. Лосевич отзывается для работы в Ново-Сибирск. Председателем губисполкома пленум утвердил т. Ремейко⁹².

ТОВ. А. Г. РЕМЕЙКО

Тов. Ремейко Александр Георгиевич, родился в 1894 году. Родители его – крестьяне Иваново-Вознесенской губ., работавшие одновременно на текстильной фабрике. Т. Ремейко с 14 лет тоже начал работать на текстильных фабриках. Образование имеет низшее, впоследствии занимался на вечерних рабочих курсах в Москве.

В партию большевиков вступил в 1914 году. До революции работал в больничных кассах, был членом правления рабклуба и председателем рабочего кооператива. Дважды был арестован, жил нелегально. Во время гражданской войны попал в плен к Колчаку, находился под угрозой расстрела, но при эвакуации белыми Перми бежал из-под конвоя.

После Октябрьской революции находился на военной, продовольственной и профессиональной работе. Был зав. орготделом ВЦСПС, секретарем ЦК союза горнорабочих, проводил с 1921 г. первую сибирскую конференцию горнорабочих, был председателем ГСПС в двух губерниях (Курской и Одесской).

В последнее время занимал должности председателя Подольского и Волынского губисполкомов на Украине, откуда переброшен в Сибирь.

Тов. Ремейко – член ВУЦИК'а и ЦИК СССР.

С сентября 1925 г. т. Ремейко работал в Ново-Сибирске в качестве председателя окружного исполкома.

⁹² Ремейко (Тихомиров) Александр Георгиевич (22.04.1894, д. Савково Иваново-Вознесенской губ. – 30.10.1937, Москва). Чл. РСДРП (б) с 1914 года. С нач. Октябрьской революции работал в профсоюзах, чл. ЦК и Президиума Союза горнорабочих, зав. орготделом ВЦСПС, а с 1924 по 1927 год на советской и хозяйственной работе: пред. губисполкомов – Винницкого, Подольского, Новосибирского, Иркутского (13.10.1926—04.03.1927) и Курского. С 1927 по 1930 год работал в Воронеже пред. облплана и зампредоблисполкома Централ. черноземной обл. (ЦЧО). С 1930 по 1932 год учился в Эконом. ин-те красной профессуры, отозван для работы в ЦКК-РКИ, рук. оперативных групп просвещения и здравоохранения и жилищно-коммунальной. С 1922 по 1931 год – член ЦИК СССР. Арестован 19.06.1937, приговорен 29.10.1937. Жена: Софья Михайловна Ремейко, детский врач, дети – Галина (1924), Ангара (1926), Олег (1936) Расстрелян (Ист.: [битая ссылка] memorial.krsk.ru).

Власть труда, 1926, 31 июля (№171), С. 8

На так наз. «Острове Любви» покончил жизнь самоубийством заведующий недействующими предприятиями ОМХ Креминский. Причины самоубийства не выяснены. Труп унесло течением.

Власть труда, 1926, 21 авг. (№188), С. 6

Сыновья с глубоким прискорбном извещают знакомых о преждевременной кончине горячо-любимого отца Георгия Спиридоновича Креминского, последовавшей 29-го июля с. г. Вынос тела из усадьбы быв. Крестовоздвиженской церкви в субботу 21 авг., в 4 ч. д., на Иерусалимское клад.

Власть труда, 1926, 26 сент. (№219), С. 8

Крупная растрата в ОМХ. Беседа с губернским прокурором тов. Шмидт

Третьего дня были арестованы заведующий ГорОМХ Киселев, бывший зам. зав. ГубОМХ, ныне председатель лесотреста Фельдгун, бухгалтер ОМХ Богданов, а несколько дней тому назад заведующий телефонной станцией Кузиков.

Но этому поводу губернский прокурор тов. Шмидт сообщил нашему сотруднику следующее:

– Причиной ареста указанных лиц послужила обнаружившаяся растрата в ОМХ и на телефонной станции. Установлено, что зав. телефонной станцией Кузиков растратил крупную сумму.

Произведенная ревизия установила, что растрата выразилась в 7.000 рублей, которые Кузиков присвоил лично себе. Оказалось, что на эти деньги производились кутежи и велась «веселая жизнь». В этих кутежах принимали участие и указанные работники ОМХ. За что они и были арестованы.

Теперь выясняется, что Киселев, Фельдгун и Богданов не только принимали участие в кутежах, за которые расплачивался деньгами Кузиков, но и сами они произвели растрату в ОМХ.

Чтобы скрыть растрату, они уничтожили некоторые документы, что можно квалифицировать как подлог и запутали бухгалтерию.

Вы спрашиваете о размерах растраты и преступления. Ответить точно на этот вопрос еще невозможно, так как следствие еще только начато. Во всяком случае мы имеем здесь дело с крупным преступлением.

Для следствия по этому делу в Иркутск едет краевой прокурор.

Как только следствие будет закончено, результаты его будут опубликованы, а предстоящий суд будет иметь широкий общественный характер.

На вопрос – где будет этот суд, еще преждевременно отвечать. Дело это по своим размерам подсудно краевому суду, по процессу, я думаю, будет происходить здесь в Иркутске, куда вероятно прибудет выездная сессия краевого суда.

Это преступление, которое, повторяю, еще далеко не выяснено в своих размерах, раскрыто силами местной прокуратуры и ГПУ.

Сейчас принимаются все меры к тому, чтобы выяснить всех так или иначе причастных к этому делу лиц.

Никто из них избегнет суровой кары революционной законности.

В своей работе по этому делу следственные органы и прокуратура встречают самое живое участие со стороны губисполкома и других местных учреждений.

Власть труда, 1926, 28 сент. (№220), С. 8

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ФЕЛЬДГУНА, КИСЕЛЕВА И ЛОСЕВИЧА

По поводу обнаружившейся в ОМХ растраты, о которой сообщалось в предыдущем номере «Власть Труда», в губернской прокуратуре сообщили нашему сотруднику следующее:

– Первые же шаги следствия обнаружили причастность в этому преступлению Лосевича, бывшего зав. иркутским ГОМХ. По требованию местных органов и прокуратуры, Лосевич, находившийся в Ново-Сибирске, был немедленно арестован. В настоящее время Лосевич доставлен в Иркутск и находится под арестом. На допросе Лосевич признался в причастности к злоупотреблениям в ОМХ.

Следствие продолжается. Размеры убытков, нанесенных государству преступлением Лосевича, Фельдгуна и Киселева, пока полностью не выявлены. Растрата и злоупотребления были в пределах телефонной станции, ОМХ и стройконторы.

Вчера в Иркутск прибыл заместитель Сибкрайпрокурора, тов. Пачколин⁹³, под личным наблюдением которого и будет вестись следствие.

Краевым прокурором вызваны из Ново-Сибирска два следователя по важнейшим делам⁹⁴.

Участие краевой прокуратуры гарантирует выявление всех произведенных злоупотреблений и привлечение к ответственности решительно всех причастных к этому делу лиц.

⁹³ Пачколин Александр Михайлович (1891, с. Печорское Самарской губ. -). Чл. РКП (б); 1927 – зам. прокурора Сиб. края, прокурор Владивостока, нач. Нагаево-Колымской конторы Акционер. Камчат. о-ва, отв. секретарь Ольск. райкома ВКП (б) (ДВ край); 7.5.1931 – секретарь Оргбюро ДВ крайкома ВКП (б) по Охотскому (Эвенскому) нац. округу; – 2.1938 нач. полит. отдела; 8.2.1938 – арестован в Алма-Ате

⁹⁴ Сивоха и Чистяков (см. №258, 11 нояб.)

Власть труда, 1926, 29 сент. (№221), С. 8

ПЛЕНУМ ОКРИК О ДЕЛЕ ЛОСЕВИЧА И ДР.

На состоявшемся 27 сентября первом заседании пленума вновь избранной окружной контрольной комиссии вслед за выборами президиума и партколлегии КК было заслушано сообщение председателя комиссии г. Сумина об аресте Лосевича и др. членов партии.

Пленум ОКК постановил:

Поручить президиуму КК срочно рассмотреть дело членов партии Лосевича, Голубцова, Киселева, Кузикова и Фельдгуна. Свое постановление опубликовать в печати, осветив подробно характер их преступления и партийного взыскания.

Власть труда, 1926, 30 сент. (№222), С. 8

ПРЕСТУПНИКИ ПОНЕСУТ ДОЛЖНОЕ НАКАЗАНИЕ: К ДЕЛУ ЛОСЕВИЧА И ДР. (Беседа с председателем Губисполкома тов. А. Г. Ремейко)

В беседе с нашим сотрудником по делу Лосевича и др., председатель Губисполкома тов. Ремейко сообщил следующее:

Как вышло дело?

– Это дело имеет некоторую историю. Суть в том, что через наши партийные и советские органы поступал ряд тревожных сведений о том, что в некоторых хозяйственных учреждениях (горкомхоз, представительство Сиблестреста, телеф. станция) имеют место глубоко ненормальные явления. Вопрос был поставлен на обсуждение руководящих губернских органов.

Понятно, что к этому вопросу и к поступившим сведениям мы отнеслись с чрезвычайным вниманием.

Решено было немедленно, но основательно проверить весь имевшийся на этот счет материал. Проверка подтвердила правильность сведений о преступном поведении ряда ответственных хозяйственных работников.

В результате было решено приступить к арестам с сообщением об этом краевым сибирским органам.

Кто арестован?

Сначала, в первых числах сентября был арестован Кузиков (зав. тел. станцией), потом Богданов (бухг. горкомхоза), дальше Киселев (зав. горкомхозом) и Фельдгун (уполномоченный Сиблестреста) и, наконец, по нашему предложению и с санкции краевых органов был арестован Лосевич (б. заведующий ГОМХ, короткое время бывший председателем Гика).

В чем сущность преступлений?

– Об этом окончательно скажут результаты следствия и судебного разбирательства. Я могу сообщить лишь то, что информация в этой части «Вл. Труда» несомненно правильна.

Какие учреждения охвачены раскрытыми злоупотреблениями?

– Основа преступлений, главный образ, относится ж бывшему ГОМХ (до разделения на городской и губернский ОМХ), когда заведующим ГОМХ был Лосевич, а его заместителями Киселев и Фельдгун.

После выделения горкомхоза, преступная деятельность названных лиц перенеслась в этот последний.

Параллельно с этим преступления имели место и в телефонной станции и управлении отделения Сиблестреста.

Обеспечено ли беспристрастное и полное выявление совершенных преступлений?

– Безусловно, да. Тем более, что следствие ведется под наблюдением специально прибывшего сюда заместителя сиб. краевого прокурора т. Пачколина.

Кроме того, в связи с этим делом в Иркутске находится зам. председателя сиб. К. К. ВКП (б) т. Банкович. Если добавить к этому, что во всех местных руководящих органах существует твердое намерение и решение довести это дело до конца, то все это вместе взятое гарантирует полное и объективное выявление всех злоупотреблений.

Как велико преступление?

– Тяжесть преступления заключается, главным образом, в том, что Лосевич, Фельдгун, Киселев и Кузиков, будучи на чрезвычайно ответственных постах, цинично обманули доверие партии и рабоче-крестьянской власти. Вместо заботливого отношения к вверенному хозяй-

ству, они занимались расхищением народного достояния, кутили с женщинами, использовали свое положение ответработника и т. д.

Несомненно, что рабоче-крестьянский суд на, это беспримерное преступление ответит самой суровой карой.

Что нужно для предупреждения подобных преступлений?

– Прежде всего, я должен сообщить, что на пост заведующего горкомхозом назначается заместитель председателя ГубКК т. Наталевич. Его большой опыт работы в рабоче-крестьянской инспекции и губернской контрольной комиссии даст возможность внести оздоровляющее начало во всю деятельность в области коммунального хозяйства.

Вообще же этот тяжелый случай лишней раз напоминает необходимость самой широкой отчетности перед массами со стороны всех советских и хозяйственных органов. Нужно более чутко прислушиваться к тому, о чем говорят рабочие и вообще трудовое население.

Наряду с этим должно быть усилено выдвижение на работу рабочих и крестьян. В частности, в ближайшее время предполагается выдвинуть рабочего с производства на постоянную работу в качестве заместителя председателя горсовета.

Власть труда, 1926, 1 окт. (№223), С. 4, 8

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ИРКУТСКОЙ ОКРУЖНОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Дорогие товарищи!

1-ая Округная партийная конференция считает необходимым обратиться к вам со следующим письмом:

Во время заседаний Округной партийной конференции были заслушаны сообщения Губернского комитета партии и Губернской контрольной комиссии о принятых ими мерах в связи с обнаружившимися за последнее время злоупотреблениями нескольких ответственных работников партии, работавших в хозяйственных и советских организациях Иркутской губернии. Обнаружение злоупотреблений произошло незадолго до созыва конференции.

В связи с обнаруженными злоупотреблениями арестованы члены партии Киселев (зав. город. отделом местного хозяйства), Фельдгун (пред. лесотреста), Кузиков (завед. телефонной станцией) и Лосевич (бывш. зав. губ. ОМХ и короткое время председатель Губисполкома). Эти люди, выдвинутые партией на ответственные руководящие хозяйственные посты, обманули доверие партии и использовали свое служебное положение в личных целях, не останавливаясь перед преступлениями.

Следствие выявит полную картину преступлений указанных лиц. Пока установлено, что они совершили растраты на несколько десятков тысяч рублей, на растроченные деньги устраивали кутежи совместно с чуждыми нэпманскими элементами и т. д.

Налицо, таким образом, знакомая по другим делам картина, как влияние отрицательных сторон НЭПа засасывает в болото неустойчивых людей. Сначала маленькая выпивка, затем знакомство с чуждыми элементами, затем растрата и подлог. И здесь в нашей организации мы столкнулись с этим печальным явлением.

Наша партия, товарищи, еще в первые годы новой экономической политики предвидела возможность такого отрицательного влияния НЭПа на отдельных неустойчивых членов нашей партии. Вот что говорит по этому поводу резолюция 12 съезда нашей партии:

«Партии приходится иметь в виду, что ее хозяйственное крыло (часть хозяйственников), имеющее громадное значение для судеб революции, уже по условиям своей работы ныне подвергается известной опасности воздействия со стороны буржуазных элементов НЭПа. Партия выдвигает в число хозяйственников лучших своих людей. Но она вынуждена при этом иметь в виду не только строгую партийность, партстаж и т. п., но и хозяйственную практичность и деловитость. Оба эти критерия не всегда легко объединяются в одном лице. Ввиду этого подбор кадра хозяйственников становится крупнейшим и труднейшим делом».

(Резолюция XII съезда по отчету ЦК.)

«Опасности НЭПа для внутреннего состояния РКП не должны недооцениваться. Возможность перерождения известных клеточек партии не исключена. Оставаясь единственно открытой партией, и притом стоящей у власти, партия не может не считаться с тем, что в ее ряды в течение еще нескольких лет будут неизбежно притекать чуждые элементы» (из резолюции XII съезда по организационному вопросу).

«Съезд констатирует, что ЦК партии ни на одну минуту не закрывал глаза на существующие опасности перерождения отдельных клеточек партии, именно это позволяло ему вовремя принимать надлежащие меры» (из резолюции XII съезда по отчету ЦК.).

Сила нашей партии в борьбе о нездоровыми явлениями в своей среде всегда заключалась в том, что она не боялась открытого выявления своих болезней, а, наоборот, сама их вскрывала, призывала всегда рабочих к помощи ей в деле вскрытия отдельных болезненных явлений, чтобы их разоблачать и лечить. Это давало возможность даже при крупных ударах не только сохранить полностью доверие рабочих масс, но его укрепить. На пути беспощадной борьбы

с людьми, обманывающими доверие партии и советской власти, наша партия эту поддержку всегда имела.

1-ая Окружная конференция констатирует, что руководящие губернские партийные органы – Губернский комитет и Губернская контрольная комиссия с самого начала пошли по этому пути – пути полного разоблачения преступников, удаления их из своей среды и отдачи под суд для беспощадной расправы.

Факт преступности части руководящих хозяйственных работников и неизбежного при этом разложения руководимых ими хозяйственных аппаратов является крупным ударом нашей организации.

Доверие рабочих масс к руководящим хозяйственным и советским органам неизбежно будет несколько поколеблено.

Тот факт, что один из преступников, хотя и короткое время, но занимал должность председателя Губисполкома, враждебные нам элементы будут использовать в целях попыток дискредитирования и подрыва доверия ко всему советскому аппарату в целом и руководящим его работникам. Возможно использование этих фактов в целях клеветы на нашу партийную организацию, в целях ослабления ее авторитета в широких массах рабочих и крестьян.

Перед нашей партийной организацией стоит задача – усиленной, удесятеренной работой восстановить поколебленное доверие рабочих масс к руководящим хозяйственным и советским органам.

Не поддаваясь никакой растерянности, разъяснить каждому трудящемуся неизбежность того, что «в ряды партии, стоящей у власти, будут неизбежно притекать чуждые элементы» (из резолюции XII съезда), карьеристские элементы, преследующие свои личные цели, своими действиями разлагающие наши ряды, влекущие неустойчивые элементы на путь преступности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.